

3. Интеллектуальное развитие человека в культуре

О двух типах мышления. Определение человека как существа разумного (*Homo sapiens*), указывает на основополагающий характер мышления в его жизни и деятельности. Работа мысли прочно ассоциируется в сознании большинства с особенностями функционирования головного мозга. «Думай головой», «раскинь мозгами», «напряги извилины» - эти и другие подобные обороты, глубоко укоренились в обыденной речи. В 19 веке, в момент наибольшей популярности идей *физиологизма*, была открыта одна специфическая особенность работы мозга. Был установлен эффект ассиметрии мозговых полушарий. Левое полушарие отвечало за абстрактно-логическое мышление, правое - за пространственно-образное. Первое связано с речевой деятельностью, второе с невербальной, ассоциативной функцией. Подобный дуализм не дает оснований редуцировать (т.е. сводить) высшие формы человеческой жизнедеятельности к низшим. Например, объяснять любовное томление поэта повышенной активностью работы гипофиза. Это было бы аналогично тому, как мы бы сводили содержание телевизионного видеосигнала, выведенного на экран, к содержанию внутренностей телевизионной коробки. Карлсон из повести шведской писательницы Астрид Линдгрэн, смеется над Фрекен Бок, которая мечтает выступить по телевидению, что в понимании героя буквально означает влезть внутрь маленького ящика, более приспособленного для хранения плюшек. Подобный «эффект Карлсона», в отношении физиологии, мы нередко наблюдаем в суждениях некоторых образованных людей. Однако, никаких серьезных оснований для подобной редукции не существует. Данный пример вовсе не подвергает сомнению суть установленной физиологами ассиметрии. Она лишь подчеркивает своеобразный дуализм, существующий в природе мышления, загадка которого к работе мозга явно не сводится. Изучая историю культуры, мы всякий раз сталкиваемся с определенной бинарностью (двойственностью) проявлений человеческой природы. Так, древнекитайская философия описывает очень похожую бинарную структуру, осуществляемую

во взаимодействии двух космических начал – мужского ЯН (тяготеющего к строгому логическому), и женского ИНЬ (тяготеющего к податливому и пластичному образному).

Установленные факты ассиметрии отсылают нас к принятому в психологии мышления различению понятийного и образного. Понятийное мышление соответствует абстрактно-логическому, а образное – поэтико-символическому. Как было замечено ранее, абстрактно-логическое мышление апеллирует к понятиям. *Понятие* есть наиболее абстрактная, отвлеченная форма мысли. Оно противостоит образному мышлению, так как пытается вывести мышление за пределы наглядного опыта. Например, чтобы сформулировать понятие человека, следует отвлечься (абстрагироваться) от зримых глазу деталей, забыть про особенности пола, возраста, одежды, внешнего вида, эмоционального настроения и пр. Понятие целенаправленно забывает о специфике живого. Оно сосредотачивается только на самом существенном, логически определенном, подминая и подавляя сферу человеческой чувственности.

Понятийному мышлению противостоит образное, природа которого уходит в сложную ткань древних мифопоэтических преданий. Из особого, символического порядка, в котором каждое слово многозначно, обладает магической природой, т.е. способно служить заклинанием, определять судьбу вещей. Ничего этого в понятийном мышлении не предполагается, ибо оно выводит нас за пределы сложных символических связей, пренебрегает структурой древнего мыслительного порядка, где человек был частью большого космоса, где его судьба сочеталась с положением звезд и линиями на руке. Где земля и камни обладали душой. Где сны были частью полноценного жизненного процесса, а не только временем, положенным телу на восстановление физических сил.

Говоря о личности человека и её интеллектуальном развитии, мы не должны забывать об этой двойственности, иначе мы значительно обедним

многообразие его культурной жизни, закроем для себя окно в мир искусства, поэзии, музыки и танца. Искусство, как и наука, имеет отношение и к познанию и к мышлению. Однако специфика этого мышления отлична от законов формальной логики.

Рационализм и рациональное мышление в культуре. Понятие рационализма имеет много значений. Остановимся на некоторых, наиболее значимых для изучаемой проблемы взаимоотношений личности и культуры. Во-первых, рационализм (от латинского ratio – разум) означает особую мировоззренческую установку, в которой разум признается бытийной основой человеческой деятельности. Рациональным провозглашается все то, что логично, целесообразно и достоверно. Рационализм противопоставляет себя мифологической картине мира и становится базой для научного (сциентистского) мировоззрения. Его истоки берут свое начало на рубеже 6-5 вв. до н.э. Немецкий философ Карл Ясперс (1883 – 1969) выдвинул концепцию «осевого времени». Согласно этой теории, в промежутке с 8 по 2 вв. до н.э. (а центром оси и являются 6-5 вв. до н.э.), на территории Евразийского континента происходит становление единой человеческой культуры. Возникают такие универсальные механизмы культурного взаимодействия, такая «коммуникация в сфере духа», которая позволила обрести человечеству общий интеллектуальный язык. Особо роль в этом фундаментальном перевороте играют древние культуры Китая, Индии, Палестины и Греции, Ясперс пишет о том, что «началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности».^[1] На Востоке, в Китае и Индии, эта духовная революция сопровождалась созданием новых религиозно-этических систем, таких как конфуцианство, даосизм, буддизм и иудаизм,

которые преодолевали прежние рамки родоплеменной общности и становились, по сути, явлениями мирового значения. В Греции, это было время возникновения западной философии и науки. Фалес, Пифагор, Гераклит, Парменид, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель и др. философы и ученые, осуществили своеобразную *«интеллектуальную революцию»*. Её последствия мы можем наблюдать на уровне истории словообразования. Значительное количество слов нашего языка, таких как алфавит, библиотека, биология, география, геометрия, грамматика, история, каталог, комедия, космос, педагогика, политика, тетрадь, трагедия, физика, хаос, хрестоматия, эпос, эпоха и мн. др., имеют древнегреческое происхождение. Теоремы Фалеса и Пифагора, постулаты и аксиомы Эвклида, изобретения Архимеда, астрономия Клавдия Птолемея, логика и физика Аристотеля – эти, и многие другие факты говорят нам о том, какую значительную роль в последующей истории сыграла *«интеллектуальная революция»* греков. Это обстоятельство вовсе не означает того, что ранее жившие строители египетских пирамид, обладали менее развитыми приемами мышления. Это лишь указывает на существование различных способов реализации интеллектуальных задатков в культуре.

Рассмотрим ряд ключевых характеристик рационального мировоззрения. Рациональность основана на принципе *достоверности*. Основой удостоверения истинных знаний становится процедура фактической и логической проверки. *Рациональное мышление – есть мышление, основанное на фактах и логике*. Факты устанавливаются из чувственного опыта. Древний грек мог искренне верить в существование кентавров, но это была часть иной, не рациональной, мифологической картины мира. Рациональность требовала вывести за пределы достоверности те факты, которые не поддавались наглядной проверки. Однако, специфика античного рационализма была такова, что к чувственному опыту греки относились критично, отдавая предпочтение логической стороне познания. Мыслить логично, означало не вступать в противоречие с содержанием используемых

понятий. Так, например, греческий философ Ксенофан (6 в. д.н.э.) стремится опровергнуть авторитет Гомера. Гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея», были для древних греков своеобразной энциклопедией жизненной мудрости. Их авторитет, казалось, был безусловен. Философ Ксенофан пытается в этом усомниться. Понятие о природе богов основывается на идее совершенства. Боги не могут быть носителями каких-либо пороков и недостатков. О чем же слагает свои поэмы Гомер? Боги враждуют, завидуют, ревнуют, мстят, прелюбодействуют... Богиня Афина покровительствует Ахиллу и Одиссею, Афродита – Парису и Гектору. Такой порядок действий не может вытекать из природы совершенства. Либо боги не совершенны (а это противоречит их сущности), либо Гомер искажает наше представление о богах, перенося на них низменные качества человеческого рода. Такое перенесение, будет названо в дальнейшем *антропоморфизмом*, т.е. постижением явлений окружающего мира по аналогии с природой человека. Изображать богов в стенах храмов, ваять их статуи по человеческому подобию – антропоморфизм. Описывать природу, посредством эмоциональных состояний человека, где «море смеялось», а «небеса плакали» - тоже антропоморфизм.

Если бы руки имели быки и львы, или кони

Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди

Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих

Образы рисовали богов и тела их ваяли,

Точно такими, каков у каждого собственный облик

Ксенофан из Колофона^[2]

Ксенофан не отказался от идеи божества, он лишь высмеял человеческие предрассудки и иначе помыслил его природу: «Богом наполнено все, повсюду уши у бога. Слышит он через скалы, сквозь землю, равно как и прямо чрез человека, ибо в груди он таит разуменье». ^[3]

Критичность мышления – еще один интеллектуальный навык, усвоенный греками. Сомневаться в существующей системе знаний и ценностей, вот непереносимое условие рациональной мысли. Скептицизм, как принцип абсолютного сомнения (сомневайся во всем!), явился продуктом более поздней эволюции античной мысли, но своим корнями он уходит в критические замечания Ксенофана и других ранних греческих философов. Другая важная составляющая рационализма – аналитика. Рациональное мышление учит *анализировать*. Аналитика предполагает мысленное расчленение изучаемого предмета на составные части, с последующей их восстановлением в порядке, обусловленном целями данного исследования. Так, например, учитель физики объясняет траекторию движения тела, на основе мысленно смоделированных элементов, таких как масса и ускорение. В свою очередь, представление о массе формируется на основе понятий объема и плотности, а скорости – на основе движения и времени. Ни форма тела, ни цвет, ни запах преподавателя не интересуют. Кроме того, аналитически думающий человек осознает как содержание своих мыслей, так и составляющие их операции (методы и приемы мышления). Для аналитика все эти этапы хорошо выражены и могут быть обстоятельно переданы другому. Анализ и синтез, индукция и дедукция, абстракция и формализация – вот неполный перечень тех логических методов, посредством которых осуществляется любая аналитическая работа.

Греки открыли и такое важное свойство мышления как *категориальность*. Примерами категорий, по Аристотелю, могут служить такие понятия как «сущность» (что есть это?), «количество» (сколько?), «качество» (какое?), «отношение» (между чем-то, к чему-то), «пространство» (где?), «время» (когда?), «состояние» (в каком положении?), «обладание» (иметь что-то внешнее, другое), «действие» (что-то изменять, в отношении другого), «претерпевание» (изменения от другого). По сути, аристотелевские категории очень близки грамматическому строю, который делает речь осмысленной и правильной. Подобно делению порядка слов в предложении

на существительные, прилагательные, глаголы и прочие части речи.

Категории – не просто «наиболее общие и универсальные понятия», это своеобразные формы, в которых образ мира и образ действий человека пытаются обрести соответствия, проходя через определенный логический порядок. Категориальность переходит в *инструментальность*. Сила мышления в его прикладном характере, в возможности применения к решению определенных жизненных задач. Архитектор, планирующий строительство храма, должен произвести множество незримых глазу интеллектуальных операций, связанных с установлением пропорций, привязке здания к месту, с учетом особенностей и качества строительных материалов. Планирование и моделирование – часть той теоретической работы, которая наиболее близка к осуществлению. В этом непреложное значение всякого скрытого движения мысли.

Рационализм как мировоззрение не только утверждает превосходство разума, но и учит эффективно мыслить и успешно познавать мир. Противопоставляя между собой разум и чувства, греки отдали приоритет разуму. Чувства свидетельствует о несдержанности, неумеренности человеческой природы, они заслоняют чистоту ума, мешают глубине мысли, полагали они. Чувства идут в связке со страстями, которые распыляют жизненные силы человека. Идеал мыслителя – это глубокий и отвлеченный от страстей ум, не знающий мирских соблазнов. Таким идеальным мыслителем становится в античной философии Сократ. В диалоге Платона «Федон» Сократ приговорен к смерти, но сила его суждений не блекнет в связи с надвигающейся угрозой казни. Он бодр и весел, шутит с друзьями и спокойно принимает предназначенный ему яд. Сократ никого не винит, а только приводит аргументы в пользу моральной правоты своего выбора, выбора смерти. Сократ выбрал казнь, в том смысле, что не пошел на поводу у судей, не раскаялся в сути предъявленных обвинений. Перед лицом смерти он демонстрирует предельную выдержку. Однако, спустя два тысячелетия, русский философ А.Ф. Лосев (1895-1988) пишет об этом событии

следующее: «Трудно понять последние часы жизни Сократа, описанные с такой потрясающей простотой, а когда начинаешь понимать, становится жутко... Откуда эта легкость, чтобы не сказать легкомыслие перед чашей ядом? Сократу, который как раз и хвалится тем, что он знает только о своем незнании, Сократу – все нипочем. Посмеивается себе, да и только.

Преспокойно и вполне деловито рассуждает, что вот когда окостенение дойдет до сердца, то – конец. И больше ничего. Жуткий человек! Холод разума и декадентская возбужденность ощущений...».[4] А.Ф. Лосев не одинок в своем удивлении. Он следует за критическими выпадами Ф. Ницше (1844-1900) и П. Флоренского (1883-1937), глубоко сомневающих в пользе такой рациональной дрессировки, когда «холод разума» в человеке подавляет его самые глубокие и самые личные эмоции, превращая жизнь в сплошной интеллектуальный спектакль, демонстрирующий убийственно неуязвимый ум, но незаметно искажающий глубинную нравственную чистоту намерений.

Идея кризиса рационального мышления, так остро переживаемая мыслителями рубежа 19-20 вв., выводит нас за рамки сугубо индивидуального. Рационализм обозначает здесь не только позицию отдельного мыслящего человека, но и целый социальный расклад сил, некую скрытую общественную работу мышления. Античный рационализм сформировал особый тип интеллектуального развития, который predetermined движение западной культуры вплоть до 16-17 столетия новой эры. Образцы античной учености, авторитет Платона и Аристотеля, надолго определили специфику научных штудий, образовательной, политической и правовой деятельности.

Ростки новой интеллектуальной эры родились в эпоху зрелого средневековья, оттачивались в спорах реалистов и номиналистов (13-15 вв.) Окончательно революция в области интеллектуальной деятельности совершилась на рубеже 16-17 столетий. У её истоков стояли такие ученые и

мыслители как Н. Коперник, Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт и мн. др. Её основополагающими чертами были:

- разработка и внедрение метода математической формализации в естествознание;
- создание экспериментальной науки (научных лабораторий);
- сближение и слияние научно-исследовательской сферы с областью технических открытий;
- внедрение новых форм управления знанием (научные академии), производством (промышленная мануфактура), обществом (новые политические теории Макиавелли, Гоббса, Локка и др.).

Все эти процессы происходили на фоне кровавой религиозной вражды католиков и протестантов. В результате длительных религиозных войн, на протестантском севере Европы (Голландия, Англия), сформировались очаги нового социально-хозяйственного управления, возглавляемые классом буржуазии. Данный класс и стал активным проводником этих общественных преобразований. В начале 20 в. немецкий ученый Макс Вебер (1864-1920) объяснил суть этих процессов с точки зрения теории рациональности. Судьба западной культуры состоит в том, чтобы «расколдовать мир», вывести его из состояния господства ритуально-магического действия. «Рационализируется способ ведения хозяйства, рационализируется управление – как в области экономики, так и в области политики, науки, культуры – во всех сферах жизни; рационализируется образ мышления людей так же как и способ их чувствования и образ жизни в целом».[\[5\]](#)

Рационализация, по М. Веберу, есть неоднозначный процесс. Способствуя научному и техническому прогрессу, она загоняет развитие западной культуры в ряд неразрешимых противоречий, ведет к состоянию отчуждения человека в мире новых управленческих технологий. «Растущая интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о

жизненных условиях, она означает нечто иное: люди знают и верят в то, что... нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета». [6]

Превращение мира в предмет рационально-практической деятельности, изгнание из мира духа тайны, обесценивает саму человеческую жизнь, полагает М. Вебер. «Человек культуры, включенный в цивилизацию, может «устать от жизни», но не может пресытиться ею. Он улавливает лишь ничтожную часть того, что вновь и вновь рождает духовная жизнь... поэтому для него смерть – событие, лишённое смысла». [7] Наука не способна

ответить на вопросы смысла человеческого существования, она на распутье.

Решение противоречия между смыслополаганием и рациональностью, в сфере личного выбора. Стоический пессимизм Вебера свидетельствует нам о тех не простых обстоятельствах, в которых оказался человек современной эпохи. Одно из этих обстоятельств, власть технократического мышления.

Специфика технократического мышления. Техника есть не только сфера приложений талантов и усилий массы творческих и хорошо образованных людей. Техника может выступать в качестве своеобразного инструмента господства. Она способна обезличивать характер межчеловеческих взаимодействий, делая их предельно формальными. В рамках любой бюрократизированной системы отношений, где качества человека неизбежно сводятся к его функциональным обязанностям, существует риск обесценивания всякой человеческой индивидуальности. Опасность технократизма исходит вовсе не из рода деятельности, не из инженерной или гуманитарной специфики выбранной профессии. Она коренится в самом характере современной рационализированной жизни, в том особом состоянии умов, в отсутствии у людей духовных запросов, должных моральных и волевых качеств. В условиях современного рынка труда растет спрос на профессиональную отдачу и дисциплину. Однако, при всех значимости роли профессиональных навыков, развитие этих качеств никак не

способствует всестороннему становлению человека. Ведь всякий профессионализм изначально ориентирует человека на специализацию, на прикладной характер исполняемой им работы. Современный язык профессиональный язык достаточно технологичен. Сегодня принято рассуждать о необходимости внедрения различных гуманитарных технологий, без всякого чувства осторожности, без осознания опасности той подмены, которая происходит уже на уровне слов. Данное наблюдение отнюдь не предполагает провести «чистку» родного языка. Важнее другое. Экспансия технологического мышления есть данность, от которой невозможно сбежать, подобно дауншифтерам, к прелестям естественного существования. Понимать проблему, видеть её достаточно глубоко и всесторонне, жить и действовать сообразно тем вызовам, которые сообщает человечеству новый технократический порядок, вот наиболее зрелая и обдуманная позиция. Альтернатива технократизму в развитии эмоционально-волевой, художественно-эстетической и нравственно-духовной сферы потребностей личности. Но было бы наивно полагать, что эта сфера автономна и не является предметом технократических притязаний. Ведь один из ключевых принципов технократизма, это принцип прагматической целесообразности. «А что я буду с этого иметь?», - говорит герой известного кинофильма. Когда сфера технологических притязаний выходит за пределы хозяйственной деятельности, когда она бесконтрольно распространяется на область свершений человеческого духа, когда креативность становится своеобразным технологическим эрзацем подлинной творческой самоотдачи, тогда приходит время того самого выбора, о котором писал М.Вебер. Будущий инженер, специалист своего профиля, не может оказаться в стороне от существа данных процессов. Технократизм довлеет над чувствами, он отбирает у человека живое полноценного дыхания жизни, заменяя его искусственными эмоциями, мелочными удовольствиями потребительского отношения к миру. Перспективы будущего человечества обусловлены не качеством материальной жизни, а качеством тех духовно-нравственных

здатков, которые оно пытается сохранить и вновь приобрести, не смотря на всю «дьявольскую» логику потребительского отношения к миру. Будущие технологические прорывы и достижения человечества не могут осуществляться вне развития этой духовной альтернативы.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Наука, 1990
2. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988.
3. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.): формирование научных программ Нового времени. – М.: Наука, 1987.
4. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. – М.: Мысль, 1972.
5. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключаются особенности понятийного и образного мышления?
2. Каковы признаки рационального мышления?
3. Что такое антропоморфизм?
4. Что следует понимать под аналитическим мышлением?
5. В чем суть процесса «расколдования мира» (по М. Веберу)?
6. Какова негативная сторона процесса технократизации мышления?

- [1] Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 33.
- [2] Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. – М.: Наука, 1989. – С. 171.
- [3] Ibid. С. 174.
- [4] Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М., 1969. – С. 82.
- [5] Гайденок П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 22.
- [6] Вебер М. Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 713-714.
- [7] Ibid. С. 714.

Раздел из книги: Культура и личность / под ред. Е.Я. Букиной. – Новосибирск: НГТУ, 2013. – 112 с.